

Об аналогичной конфискации говорит и грамота, составленная около 1319 г. игуменом Ватопедского монастыря Нифонтом (Хил., № 44): в ней идет речь о земле близ деревни Аздравикий, которая принадлежала Ватопеду, но затем специальным императорским хрисовулом была передана Хиландарскому монастырю, что привело к возникновению споров и тяжб между монахами обеих обителей.

Эти факты позволяют предположить, что в Византии император выступал как *dominus eminens* не только прониарских, но и патримониальных, в том числе церковно-монастырских земель. Именно это право давало ему юридическое основание для передачи стратиотам половины монастырских земель, осуществленной, как убедительно показал Г. Острогорский (стр. 161 и сл.), после поражения при Марице в 1371 г.

С представлением Г. Острогорского о пронию как о специфической форме условной собственности (стр. 67 и сл.) связано, как мне кажется, неточное истолкование известного постановления Димитрия Торникая, запрещавшего парикам продавать землю прониарам этой земли (ММ, IV, 199); речь идет о конце этого постановления, где сказано: *ὡς ὑπὸ τὴν δημοσίον χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα*. Обычно это место относят к паричской земле и переводят: „[крестьяне, находящиеся под пронией, не должны были продавать своих наделов прониарам], чтобы земля эта не вышла из подчинения государству“.

Г. Острогорский возражает против традиционного перевода. Он полагает, что чиновник XIII в. не мог требовать, чтобы паричская земля всегда оставалась под контролем государства, ибо в то время существовали парики патримониальные и находившиеся на иммунитетных территориях, т. е. не подчиненные казне. Бесспорно, в Византии XIII в. значительное число париков принадлежало вотчинникам и не находилось „под рукой“ государства — однако постановление Димитрия Торникая не имеет их в виду: там идет речь о зависимых крестьянах, которые имеют землю (*τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα*), находящуюся в то же время под властью прониаров (*οἱ κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντες αὐτά*). Естественно, что земля этих крестьян считалась государственной (ср., например, анализ тяжбы крестьян-малахиотов и Патмосского монастыря, стр. 69—71), тогда как продав свои надель прониару, они превратили бы эту землю в патримоний феодала.

Рассматривая пронию как форму условного землевладения, Г. Острогорский стремится установить различие терминологии при определении объема прав прониара и собственника; по его мнению, право прониара характеризуется глаголами *ἔχειν, κατέχειν*, тогда как для выражения „полной собственности“ употребляется глагол *ἔχειν* (стр. 98). Однако с этой гипотезой трудно согласиться. В кодексе Лемвийского монастыря встречаются — иногда плеонастически — самые различные термины для обозначения собственности. Например: *ταῦτα τῇ μονῇ διαφέροντα, παρ' αὐτῇ κατέχοντά τε καὶ νέμονται*, а несколько ниже — *ἡ ῥηθεῖσα μονῇ ἀκινήτων ἐκέκτητο* (ММ, IV, р. 62). В купчих грамотах, составленных в XIV в., нередко употребляется для обозначения права собственности термин *κατέχειν*, а иногда даже — *εἰς τὸ ἐξῆς κατέχειν* (Хил., № 89.33), что, как мне представляется, противоречит гипотезе Г. Острогорского¹.

Одним из самых серьезных аргументов в защиту представления об условном характере пронию является ее противопоставление гоникону,

¹ Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 143) справедливо считает *ἔχειν* и *ἔχειν* синонимами, противопоставляя их термину *νέμεσθαι*. Однако еще недостаточно ясно, насколько четким на практике XIII—XIV вв. было разграничение между *ἔχειν* и *νέμεσθαι*.